

На крыльях зари

6+

Юрий Корочков

Юрий Корочков

На крыльях Зари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63970782

SelfPub; 2021

Аннотация

1912 год, Россия беременна революцией. Умные патриотичные жандармы отлично понимают ситуацию и буквально кусают локти от бессилия что-то изменить. Не менее патриотичные революционеры не испытывают сомнений и уверены, что уж они-то станут провозвестниками светлого будущего. И в этот момент Болгария вступает в войну с Турцией. Военное время – отличная возможность свести счёты с давними врагами. Одесское жандармское отделение готовит циничную провокацию с ликвидацией ненавистных "эсеров". А талантливый лётчик Тимофей Ефимов отправляется на войну. Отправляется не по своей воле, но принуждённый шантажом жандармов, даже не подозревая, что так его спасают от неизбежной гибели и надеются вернуть недавно вступившего в партию социалистов-революционеров молодого человека на путь истинный. Вот только лекарство пострашнее болезни, и война слишком грязное дело.

Содержание

1	4
2	6
3	11
4	16
5	20
6	23
7	27
8	30
9	33
10	36
11	38
12	40
13	43
14	46
15	49

Юрий Корочков

На крыльях Зари

1

Вот уж не думал не гадал, что буду иметь дело с охранкой! И кто? Я! Кандидат в члены партии Социалистов Революционеров! Так нет же – жизнь порой поворачивается к нам самыми неожиданными сторонами! Вчера меня посетил ни много ни мало сам господин подполковник Кудрявцев – первый заместитель начальника охраны Одессы.

Эта скотина оказалась полностью в курсе партийной жизни города, и пришла ко мне не с пустыми руками – с теми материалами, которые собрал подполковник, меня хоть сегодня можно отправлять на каторгу, но этот пройдоха даже не обмолвился о такой возможности. Знает, умная бестия, что истинного революционера таким не проймёшь!

Гораздо хуже, что он продемонстрировал мне компромат на руководство нашей ячейки и пообещал сделать так, что для товарищей будет однозначно ясным, что в охранку сведения на них передал я. Тут уже приятной прогулкой в хорошей компании не отделаешься! Революционная справедливость – она посуровее законности.

И ведь даже не предложил, гад такой, работать на него.

Мол, единственное, что ему от меня нужно, так чтоб я проявил себя истинным патриотом, и отправился помочь нуждающемуся в братской интернациональной помощи болгарскому народу, ведущему тяжёлую неравную войну с исконным врагом – турком! Мол, есть в Болгарии самолёты, а скоро и ещё прибавится, а вот лётчиков толковых совсем ничего.

И вот со всей матушки России готовы прийти на помощь патриотичные пилоты, но пока они ещё доберутся, а разведку воздушную в интересах болгарской армии вести надо было ещё вчера. Вот и поручил ему, пышущий любовью к славянским братьям государь император найти в Одессе достойных сынов родины. А кто в Одессе лучшие пилоты? Известно – братья Михаил да Тимофей Ефимовы. Михаил сейчас во Франции, а Тимофей здесь – вот он я! И так удачно сложилось, что есть у господина полковника неотразимый аргумент, которым можно на славного летчика воздействовать.

Так что получил я пакет с письмом болгарскому главнокомандующему, карту с маршрутом, на котором для моей «Зари» (это мой собственный аэроплан типа Блерио XI) уже заготавливают запасы бензина и касторового масла и строжайшее предписание вылететь в район Адрианополя не далее как через три дня!

2

Заместитель начальника жандармского отделения Одессы подполковник Кудрявцев довольно потирал руки. Похоже, сегодня ему удалось сделать сразу два добрых дела на пользу России. Во-первых, он выполнил задание руководства и раздобыл для фронта одного из талантливейших русских авиаторов, параллельно спасая его же от неминуемого ареста, а то и физического устранения. Он давно выслеживал все контакты революционеров в своём городе, и только строжайшие указания из Петербурга «точно следовать букве закона, обеспечивая стопроцентную доказательную базу при каждом задержании» не давали ему возможности выполоть заразу на корню.

Ну а как «следовать букве закона», когда кретины присяжные готовы оправдать террориста только за то, что он, видите ли идейный политический борец?! На всю страну гремит слава адвоката Плеве, выводящего из-под обвинения откровенных преступников, разводя слюни да сопли! Революционеры, да и вся прочая сволочь, вполне законно воспринимают это как слабость власти и ведут свою работу всё более нагло и открыто. По глубокому убеждению подполковника, система, настолько мягкая по отношению к своим врагам, неизбежно должна за это поплатиться.

Если бы дело происходило в любой другой стране, он только позлорадствовал бы, но сегодня из-за политической близорукости петербургских чинуш гибнет его родина! К счастью, ещё не перевелись в России твёрдые профессионалы в жандармерии и армии, и они-то осознают, насколько опасно положение. Вот, к примеру, его новый, буквально пару месяцев назад назначенный на должность шеф – бывший начальник московской жандармерии полковник Павел Павлович Заварзин. Заварзин прославился, как гений сыска, но чересчур прямолинейный и ершистый, открыто несогласный с проводимым импотентским курсом офицер. Родом из Одессы, Павел Павлович отлично ориентировался в обстановке, сложившейся в южных губерниях. Из Москвы талантливого офицера в угоду либерально настроенной публике пришлось убрать, но, слава Богу, хватило ума не отправлять его в отставку.

По прибытии на новое место службы начальник быстро развернул активную работу. Они с Кудрявцевым составили достаточно, как казалось, эффектный план по борьбе с революционерами. План был прост, как три копейки. Турецкое подполье, активизировавшееся во время начавшейся войны, мстит «кинувшим» их социалистам-революционерам, поставившим заведомо некачественное оружие и взрывчатку. В процессе взаимных разборок обе силы, давно в печёнках сидящие у жандармов южного города, взаимно уничтожают друг друга.

Дело за малым – слить нужным людям в руководстве обеих бандитских группировок нужную информацию, и проследить за тем, чтобы взаимное уничтожение было действительно полным. Причём последнее ни в коем случае нельзя доверять своим, чересчур либерально настроенным подчинённым.

Для выполнения этой фазы операции полковник Заварзин планировал подключить свою агентуру из среды армян. Правда, такое решение грозило не вполне предсказуемыми последствиями, поскольку вражда между армянами и турками давняя и не на жизнь, а на смерть, но полковник рассудил, что после уничтожения боевого потенциала турецкого подполья он сможет взять ситуацию под контроль и не допустить в городе большой резни.

Подготовительная работа шла уже достаточно долго, и буквально на днях операция должна была вступить в решающую фазу. Турки заказали у революционеров крупную партию взрывчатки, и жандармерии удалось подменить опасный товар на безвредную «куклу». Конфликт из-за такого наглого «кидалова» полковник как раз и собирался использовать для сраживания противников. Сделка состоялась накануне, в Трабзон груз контрабандного динамита попадёт ориентировочно дня через три, там он будет проверен, и вот тогда...

К этому-то времени подполковник и решил вывести из-под удара лично ему симпатичного авиатора, которым он ис-

кренне восхищался, но который, по дурости, ввязался в сомнительные политические игрища. Тем более его действительно просили найти для болгар толкового лётчика.

Заграничная разведка узнала об обучении в Германии группы турецких военных авиаторов и закупке там нескольких военных самолётов, уже отправленных в Стамбул под видом совсем иных грузов. Затратив немало сил и средств, два самолёта удалось перенаправить в Софию, где они закономерно попали в руки предупреждённых о ценном грузе представителей Балканского союза. Но вот летать на этих аэропланах, несущих, кстати, все положенные опознавательные знаки турецкой армии, некому.

Вообще, как Заварзину конфиденциально сообщил курьер московской жандармерии, как раз и осуществившей операцию по перехвату самолётов, во всей Болгарии есть только один единственный опытный лётчик – поручик Симеон Петров, да пара недоучившихся пилотов с налётом менее десяти часов. В связи с этим, «братушки» активно нанимают по всему миру авантюристов с лётными дипломами, но толку от этих летунов будет мало.

Если Россия хочет реально помочь союзникам, то надо направить на фронт по-настоящему опытных, и главное – смелых авиаторов. В России такие есть, и сейчас из них формируют соединение, оснащённое по последнему слову военной науки, но времени упускать нельзя. Из Одессы можно организовать перелёт в Болгарию опытных пилотов прямо на

аэропланах, и долг полковника такой перелёт организовать!
Обеспечить бензином, маслом, людьми, а главное – самими
самолётами и пилотами!

3

Ну вот, все недолгие приготовления и окончены! Под сиденье верной «Зари» приделан лист железа, что конечно не очень здорово из-за лишнего веса, но вполне может спасти мою драгоценную шкуру от шальной пули на этой ненужной лично мне войне. Бак под крышку залит самым качественным бензином, несколько бидонов с которым загружены на место наблюдателя, и я отдаю приказ «от винта». Старенький, но тщательно обслуженный «гном лямбда 5» ровно тархтит под капотом, и «Заря» не торопясь разбежится по поухлой осенней траве.

Загрузка сегодня максимальная, а мой аэроплан имеет не самую лучшую грузоподъёмность. Всё же «Блерио» достаточно устаревшая модель – моноплан образца 1909 года, обеспечивший своему создателю славу, перелетев через Ла-Манш, за три года прилично устарел. На новых самолётах и моторы помощнее моего слабосильного «гнома», и подъёмная сила побольше, да и обзор с биплана, оснащённого толкающим винтом, не в пример лучше, но есть то, что есть.

Выкатываюсь к началу взлётной полосы, вывожу обороты двигателя на максимум и начинаю разбег. Давненько я не летал настолько перегруженным! «Заря» передаёт мне своё недовольство резкой тряской, каждая мельчайшая кочка на укатанной полосе отдаётся болью в позвоночнике, но ско-

рость уверенно растёт. Вот, наконец, на педалях и рычагах появляется усилие, тряска становится меньше. Колёса ещё катятся, но крылья уже уверенно опираются на воздух. Расслабляю кисть правой руки, слишком нервно взявшуюся за рычаг, чуть отдаю руль высоты, подравниваюсь по курсу педалями. Аэроплан поднимает от земли хвост, и продолжает разбег на передних колёсах. Подскок, ещё один, короткое зависание в воздухе, и вот мы, наконец, в воздухе!

Мы с «Зарёй» отрываемся от земли и отправляемся на войну. Летим невысоко – с такой нагрузкой мотор совершенно не тянет, ну да и неприятеля под нами сейчас нет, а ориентироваться так проще.

Два часа в воздухе пролетели как один миг, и уже видно поле, с которого мне приветливо машут флажками. Надо отдать должное этим гадам жандармам – организация перелёта не хуже, чем на всероссийских гонках Санкт-Петербург – Москва. Механика нет, и я сам осматриваю и тщательно чищу мотор, плотно обедаю, заправляю «Зарю» и вновь поднимаюсь в осеннее небо.

На что люблю летать, да и в дальних перелётах, типа «Петербург – Москва» участвовал не единожды, но этот путь запомнится мне навсегда! Во-первых, я один. Совсем один в бескрайнем южном осеннем небе. И так продолжается не десять минут, и даже не час, а целый день. Смертельно страшно за мотор – как то он переживёт такую длительную нагрузку! Не менее страшно заблудиться – трасса никак не обо-

значена, и приходится выискивать на местности ориентиры, как-то соотнося их с весьма условной картой. Лечу на высоте примерно полутора километров, стараясь не терять из виду береговую черту – уж она-то точно не подведёт!

На удивление легко прохожу границу. Болгарские пограничники приветливо машут фуражками и показывают направление на площадку, где для «Зари» приготовлен бензин, а меня ждёт плотный обед. Чувствуется, что братья славяне и впрямь крайне заинтересованы в лётчиках. Встречают меня очень сердечно, и не похоже, что это игра – пограничники искренне рады, что им выпала честь встретить столь необходимый на фронте самолёт. Места назначения – полевого аэродрома в местечке Мустафа-паша достигаю уже в вечерних сумерках. Усталая «Заря» занимает место рядом с новенькими «Фарманом VII» и «Депердюссеном-А». Сил нет совершенно, и меня буквально уносят от самолёта в палатку. Последнее, о чём успеваю подумать, перед тем, как провалиться в глубочайший сон – неужели долетел!

Наутро в лагере наблюдается суэта. Оказывается, вчера был совершён первый полёт над позициями турок, и теперь в лагерь прибыло высшее начальство, в лице командующего авиацией генерала Янкова. Вчерашняя разведка принесла ценные сведения, и генерал просит повторить полёт. Более того – он придумал сбрасывать с аэроплана листовки с призывом сдаться, и задачей того, кто полетит сегодня, будет разбрасывание этих прокламаций, мешок с которыми гене-

рал привёз с собой.

Странно, но из болгарских пилотов лететь вызвался лишь один совсем молодой поручик, но его, отчего то, достаточно грубо оттёрли в сторону и не дали сказать ни слова. Вызываюсь добровольцем. Отходим с генералом в сторону. Он просит уделить особое внимание позициям неприятеля у форта Карагач, листовки же желательно разбросать над самой цитаделью, недосягаемой для выстрелов из орудий.

За ночь механики навели на «Зарю» блеск, и теперь она сверкает свежоотдраенными цилиндрами мотора как невеста. Занимаю место пилота, и тут ко мне подходит тот самый болгарский поручик, который явно хотел лететь.

– Друг, возьми в небо хоть наблюдателем! – просит он, и я не могу отказать. Садимся в самолёт, разбегаемся по вытоптанному полю аэродрома и поднимаемся в воздух. Христо, так зовут моего попутчика, рассказывает, что вчера на задание летал временный командир отряда поручик Радул Милков с наблюдателем Проданом Трандычиевым. Слетали в целом неплохо, но над крепостью по ним начали стрелять, и Продан уронил блокнот с наблюдениями. Ребята малость перепугались и, будем честны, обделались. Теперь надо всё разведать заново. Если бы он, Христо, успешно выполнил задание, это был бы позор и для Радула и для Продана, потому в полёт его пускать не хотели.

Христо, как и я, из крестьян, и после вчерашнего конфуза благородным господам аристократам невозможно допустить

мысли, что «мужичьё» справится с проваленным ими заданием. Особо невыносима эта мысль для Продана, натерпевшегося вчера насмешек.

4

Начальник одесского охранного отделения особого корпуса жандармов полковник Павел Павлович Заварзин с нетерпением ждал встречи с агентом. Сегодняшний гость конспиративной квартиры на окраине Одессы был завербован им лично более пяти лет назад в Варшаве, и неизвестно, как он отнесётся к изменению статуса своего куратора. Но вот, наконец, условный стук в дверь.

– Рубэн Ашотович! Дорогой, здравствуй! Приветствовал гостя Заварзин.

– И вам не болеть Павел Павлович! – рослый мужчина ярко выраженной кавказской наружности осмотрелся по сторонам, никого не заметил, и прошёл в квартиру.

– Рубэн, – не стал тянуть Заварзин, – до меня дошли слухи, что твои люди недавно крепко обидели турок. Говорят – были даже погибшие. Сразу скажу – я вас не осуждаю, и никогда не стал бы вмешиваться во внутренние дела уважаемой мной армянской диаспоры, но обстоятельства складываются так, что мы можем помочь друг другу.

– Да? А я уже опасался, что ты будешь меня арестовывать! – рассмеялся Рубэн и вытащил руку из кармана, в котором лежал браунинг. Не скрою – турки вконец обнаглели – отжали южный рынок, и ведут себя как скоты! Только с начала лета изнасиловали трёх армянских девушек! Мы та-

кого не прощаем!

– Вот и я о том. Турки сидят у меня как кость в горле! Но есть и другая кость – наши доморощенные революционеры. Они, кстати, последнее время весьма непатриотично снабжают турок оружием и взрывчаткой. Вот наемники продали три пуда нитроглицерина. Скажи мне, Рубэн – вот зачем приличным людям нитроглицерин? Я не хочу, чтобы в моём городе что то так сильно взрывалось. Я вообще хочу покоя.

Лицо армянина посерело. Он хорошо представлял, зачем враждебному клану понадобилась взрывчатка, ведь не далее как в прошлом месяце армяне вернули себе южный рынок, убив не только мелких турецких боевиков, но и правую руку неофициального «пашы» Одессы. Теперь диаспора ждала неизбежной мести и готовилась к войне. Тем временем полковник продолжал.

– Не волнуйся, Рубэн. На этот раз мои люди поработали на славу – «этот» нитроглицерин не взорвётся. Но с вас должок. Мне хуже горькой редьки надоели и турки и эсеры. Буду предельно прям – особый жандармский корпус не будет возражать, если обе названные силы перестанут существовать. Физически. В конце концов, одни обманули других... почему бы злобным террористам не перестрелять друг друга во внутренних разборках?

– А ты опасный человек Павел! – глаза у армянина засверкали, – но моим людям не справиться. У нас всего две трёх-

линейки, а пистолетами много не навоюешь.

– Вот это уже конструктивный разговор по существу! Само собой я не могу поставить вашей «организации» оружие. Да его у меня и нет. Но совет дам. Ты отлично знаешь, что армия перевооружается на трёхлинейки. Так вот, на складах скопилось никому, вплоть до интендантов неведомое количество винтовок старых типов – есть там и берданки, и «крынки», и иные системы. Всё это добро, вместе с боеприпасами, вывозится на длительное хранение на склады, оборудованные в катакомбах. Так вот, не удивлюсь, если окажется, что некие не слишком достойные личности, к примеру, подпоручик Грищенко, Остап Тарасович, делают небольшой гешефт, приторговывая отличными по точности боя винтовками с «охотниками». Да, мерзавцы ещё и снабжают браконьеров разрывными пулями к тем самым берданкам. Денег эти деятели дерут с «честных» граждан немало, но и благодарность нашего города за избавление от бандитов велика. В прихожей саквояж – думаю, на первое время там достаточно.

Армянин хитро улыбнулся. Сегодня, как он считал, был его день. Пообещав, что «постарается помочь господину полковнику» всем, чем сможет, он покинул квартиру, прихватив увесистый саквояж с тридцатью тысячами рублей ассигнациями.

Улыбнулся, проводив гостя, и Заварзин. Он не хотел усиления влияния в городе армянской диаспоры, но за всё надо платить, и такую цену он за ликвидацию двух по-настоя-

щему опасных группировок заплатить был готов. Тем более, выросший в Одессе жандарм отлично знал, что равновесие совсем скоро будет восстановлено – те же парни Молдаванки без проблем объяснят армянам, где их место.

5

Ну вот! Свершилось! Я второй день на войне, и уже лечу в свой первый боевой вылет! Со мной в кабине «Зари» славный болгарский лётчик Христо, которого сегодня не пустили в самостоятельный полёт. Но, влюблённый в небо, он полетел со мной простым наблюдателем. Ничего, если у нас всё удастся, а уж я постараюсь, чтобы удалось, командование будет вынуждено допустить к полётам и Христо!

Летим высоко – на глаз выше километра, и с такой высоты отлично виден и город, и наводнённые войсками окрестности. Христо с планшетом в руках наносит на карту расположение вражеских войск, но вскоре просит снизиться, чтобы рассмотреть подробности.

К укреплениям Адрианополя подходим уже совсем низко, и турки начинают реагировать на появление аэроплана: многие солдаты в ужасе бросаются на землю, закрывая голову руками. Дважды облетаем город на самой малой высоте. Христо делает подробнейшие зарисовки на карте, заполняя её всё новыми пометками, а мне просто интересно.

Город разделён реками, и с водой у обороняющихся проблем нет. По слухам, нет сложностей и с продовольствием, как, впрочем, и с боеприпасами. Посреди городских кварталов расположена сильная крепость, а на городских окраинах разместились отлично защищённые и вооружённые мощной

артиллерией бастионы, не дающие болгарам возможности даже приблизиться на расстояние уверенного выстрела из дальнобойной пушки. И даже если «братушки» каким-то чудом пробьются к предместьям, расположенные на господствующих высотах турецкие позиции сохранят за собой решающее преимущество. Пожалуй, болгарской армии будет очень непросто взять такие укрепления.

Определив положение турецких войск, направляемся в обратный путь. Нам вновь предстоит пролететь над крепостью, и турки открывают по нам огонь! С форта Карагач стреляют из винтовок залпами, и я с неприятным чувством вижу дыры, образующиеся в крыльях. Если попадут в мотор, придётся садиться, но как-то совсем не хочется попадать в турецкий плен. Набираем высоту 1300 метров, и пули перестают нас доставать, но тут обнаруживается, что к появлению аэропланов янычары подготовились несколько лучше, чем я ожидал.

Сразу с нескольких фортов по «Заре» начинают стрелять из противоаэроплановых пушек, и меткость канониров на высоте! После пятого залпа, одна граната разорывается совсем близко, и машина содрогается от попадания града осколков. Хвала Создателю, не было повреждено ни мотора, ни винта, а с дырявыми плоскостями «Заря» ещё вполне способна донести нас до Мустафа-паши. Прибавляю газа до полного, набираю высоту, и выхожу из-под обстрела. Ещё двадцать минут, и мы на земле.

На аэродроме нас уже с нетерпением ждут. Давешний генерал буквально накидывается с расспросами, трижды переспрашивает меня, всё ли верно на карте, заполненной Христо. Я подтверждаю верность наблюдений своего боевого товарища, и генерал раздражается потоками брани. На основании вчерашней разведки армия приготовилась наступать на правый фланг турок, но мы видели целых две колонны войск, направлявшихся туда же. Генерал, позже мне сказали, что это начальник железнодорожных войск и авиации болгарской армии генерал Янков, умчался к телеграфу срочно менять план наступления. Ударив во фланг перегруппирующегося неприятеля, болгары в тот день одержали важную победу.

6

Заведующий заграничной агентурой корпуса жандармов Александр Александрович Красильников устало оторвал взгляд от бумаг. Новости не радовали. Он уже не раз докладывал, что из затеи с помощью балканским государствам в их войне против Турции не выйдет ничего хорошего. Не выйдет прежде всего потому, что Россия в любом случае окажется в проигрыше. Вообще, неплохо знающий историю Красильников скептически смотрел на «войны за независимость», периодически вспыхивающие то тут то там на протяжении веков.

Рано или поздно почти каждое этническое образование начинает воображать, что без собственной территории, армии, императора, или парламента (нужное подчеркнуть в зависимости от мировой политической моды), и прочих глупостей – жизнь не в жизнь. И начинается! Причём, как правило, в итоге они теряют до половины населения и те жалкие блага цивилизации, которые имели до начала войны. Вырвавшись же из кровавой каши, оставшиеся в живых в равной мере проклинают своих несостоятельных вождей и более сильных соседей.

Бывают и исключения. Мировая ситуация порой складывается так, что та или иная великая держава вмешивается в одну из таких ничтожных войн на стороне «националистов»,

и обеспечивает им победу. Что ж, тем печальнее участь победителей. Растеряв поддержку патрона, вообразив себя «великими», мелкопоместные князьки новорожденной державы почти неизбежно ведут её к катастрофе.

По мнению Красильникова с Болгарией происходило именно это. Возникшая в результате не слишком продуманной политики России держава возомнила себя центром европейского равновесия, и возмечтала превратиться в самостоятельного игрока. Созданный болгарами из подобных им, хотя и не столь амбициозных, Сербии с Черногорией Балканский союз объявил войну ослабленной, но всё ещё великой Турецкой империи, и не имел шансов на победу без мощной поддержки извне.

Братья славяне активно вели переговоры с Австро-Венгрией и Германией, с Францией, Англией, и даже с Италией, обещая державам любые преференции за помощь в борьбе. Нетрудно было заметить, что удовлетворить требования всех у Балканского союза не получится никак. Столь же очевидно Красильникову было и то, что главным обманутым союзником по обыкновению окажется его родина. Ведь, в отличие от других стран, Россия именно «помогала братским народам», не требуя твёрдых векселей и оплаты вперёд за каждую проданную винтовку.

Но указ из Петербурга получен, и надо работать. Но как тут работать, если кроме пустой говорильни реальных полномочий, да хотя бы просто и денег Красильников не полу-

чил. Предотвратить сделку турецкого правительства с фирмой Робера Эно-Пельтри не удалось, и семь новеньких аэропланов отправились в Стамбул. Аналогичная история повторилась на заводе Блерио. Французские коммерсанты предлагали перепродать турецкий заказ хоть России, хоть Гондурасу с наценкой всего в 20%, и, с учётом времени на перезаключение контракта и изготовление аэропланов, Турция осталась бы без воздушной разведки, но... Но министерство финансов средств не выделило.

Вскоре абсолютно аналогичная история повторилась в Германии, где туркам удалось подписать контракт на постройку десятка самолётов. Не прошло и трёх месяцев, и первая пара «Харлан айндеккер» направилась в Стамбул.

Красильников сделал всё от него зависящее. Он разузнал подробнейший маршрут и расписание следования составов с аэропланами и заблаговременно передал эти сведения болгарским пограничникам. Но Болгары сумели перехватить лишь пару из десятка следующих по их территории самолётов! Причём, по сведениям уже от болгарской агентуры, остальные самолёты были банально пропущены за весьма незначительную взятку.

Но даже и от захваченных самолётов толку не оказалось ровно никакого. Немецкие машины «братушки» элементарно не сумели собрать, и поломали хрупкий груз настолько, что к моменту прибытия русского механика аэроплан годился разве что на дрова! Француз оказался прочнее, да и сербы

грамотнее болгар. Перехваченный в Белграде РЕП-милиционер собрали и подготовили к полётам.

Заблаговременно посланные в Сербию лётчик Агафонов с механиком Савельевым привели трофей в лётное состояние. Теперь, имея два самолёта, учитывая привезённый из России «Дукс», они поступили в распоряжение командующего сербской армией.

Ну что ж. Хорошо уже то, что на этот раз Россия не стала сама вступать в войну, оплачивая жизнями своих солдат чужие амбиции, подумал Красильников, дочитав шифровки. Он поднялся из-за стола, набросил на плечи пальто, и направился на встречу с представителем «Форж э шантье». Нужно было договориться о поставках в армию Балканского союза авиабомб, которые мог изготовить знаменитый французский концерн по чертежам, недавно доставленным из России.

Христо выпустили в самостоятельный полёт! Я так рад за него. Это отличный лётчик и настоящий патриот своей страны. Впрочем, не только своей. За неделю достаточно тесного общения мы стали друзьями, и Христо рассказал мне о своих убеждениях. Он, как и я, социалист. Благо человечества для нас выше национальностей, которые скоро неизбежно станут не более чем анахронизмом. С развитием науки и техники люди перестанут поколениями сидеть на одном месте, они получат, наконец, свободу передвижения, и скоро никого не удивят негр или китаец на улицах Одессы, как и молдованин в Пекине. И будут это не заезжие богачи путешественники, а рабочие, приехавшие на открывающуюся новую фабрику, управлять которой станут такие же рабочие!

Да, до полной победы социализма далеко, но она неизбежна. Капитализм сам роет себе могилу, загоняя пролетариат в невыносимые условия существования и подчиняя себя лишь получению прибыли. Слепцы! Они ещё могли бы отсрочить свою гибель, если бы немедленно позаботились о своих рабочих, но жажда денег перевешивает здравый смысл. Ужасные события начала этого года на Лене, когда жандармы расстреляли сотни отчаявшихся от совершенно невыносимых условий жизни рабочих, ясно показали, что царизму жить осталось недолго!

Волна народного гнева поднялась после обнародования событий и отчёта думской комиссии, в котором честно были описаны условия труда рабочих. Английская фирма, в концессию которой были отданы золотые прииски, эксплуатировала русских тружеников так, что они могли завидовать неграм на американских плантациях! Сперва человеку предлагалась достойная зарплата, и он подписывал контракт, а вот дальше начиналось самое интересное. Пересылка в Сибирь под конвоем полиции не оканчивала нарушений. Зарплату, в нарушение российского законодательства, выдавали не деньгами, а чеками в лавку компании, цены в которой впятеро выше, чем в соседней частной. Рабочие селились в сырых заплесневелых бараках, температура в которых редко поднималась выше десяти градусов, и это после 12 часового рабочего дня по колено в ледяной воде!

Смертность среди шахтёров доходила до тридцати процентов! Порвать кабальный контракт реальной возможности не было: высокая по меркам европейской России зарплата едва обеспечивала питание да крошечные сбережения. За разрыв контракта – большие штрафы. Цена билета на поезд – полугодовой оклад! Даже депутаты думы, участвовавшие в расследовании, признали правоту взбунтовавшихся рабочих! Признали...но ничего не изменилось. Капиталисты всё вернули на круги своя.

Что ж, недолго вам осталось, господа! Скоро, уже совсем скоро взрыв пролетарского гнева сметёт вас с тронов и бес-

следно сотрёт с лица земли. Здесь, в Болгарии я лишний раз убеждаюсь в этом, наблюдая за жизнью простых людей.

8

Мустафа Чавоглу, неформальный лидер турецкой диаспоры в Одессе, пребывал в бешенстве! Эти мерзкие гяуры опять его обманули! Ну как можно вести дело с такими ненадёжными партнёрами по бизнесу? Он всегда, ну, пускай почти всегда, честно выполняет свои обязательства! По крайней мере, ни у кого ни разу не возникало претензий к качеству поставляемого им опиума, и прочих интересных товаров. А в ответ? «Товарищи» социалисты постоянно задерживают платежи, пытаются всучить ему вместо денег никому не нужное барахло, а то и вовсе обманывают!

Вот и сейчас! Мало того, что вместо обещанного динамита привезли страшно опасный полуфабрикат, из которого неизвестно где и когда этот динамит делать, так ещё и вместо честного нитроглицерина всучили невесть что! А на претензию, мол, динамит из вашего сырья не взрывается, отвечают, что это мы неправильно его делаем! Проклятые гяуры! Да и сам он дурак! Купился на посылы этих горе террористов! Но армии до зарезу нужна взрывчатка и оружие, и его долг – наладить поставки первосортного русского динамита в Стамбул!

Ну ничего! Он им покажет, как обманывать турок! Убивать всех Мустафа не собирался – всё же торговые партнёры ему были нужны, и представители социалистов-револю-

ционеров были далеко не худшими из них. Более того, они были именно той силой, которая согласилась обеспечить его большими партиями взрывчатки, производство которой, как точно знал Мустафа, у социалистов отлично налажено и поставлено на поток.

А взрывчатка была нужна! Война с Италией поглотила больше половины запасов, и в начавшемся противостоянии с Балканским союзом турецкая армия испытывала острый дефицит динамита и ручных бомб. Всё это, конечно, можно было закупить и в Европе, да там и покупалось, но... Но отчего не разжиться тем же самым втрое дешевле в России? Тем более, если партнёры по бизнесу сами предлагают расплатиться за гашиш динамитом!

И Мустафа вышел на представителей турецкой армии, обещая им поставки. Теперь эти поставки предстояло обеспечить, а для этого открутить кое-кому из социалистов-революционеров голову, чтобы остальным неповадно было обманывать своих торговых партнёров!

Встреча с руководством подпольщиков у турок была назначена на следующей неделе, и Мустафа на всякий случай решил подтянуть в Одессу побольше своих людей. Вот уже третий день в город пребывали представители диаспоры из Николаева, Севастополя, и других городов юга России. Всех их надо было вооружить, и на чёрном рынке Одессы возник ажиотажный спрос на ружья и пистолеты, что с удовольствием отметил наблюдающий за событиями полковник Завар-

зин. Его план осуществлялся как нельзя лучше.

9

Пошла вторая неделя моего пребывания на фронте. Вызывает огромное удивление, что лётчики вовсе не рвутся в небо, да и сухопутным генералам наши сведения, похоже, не слишком нужны. Согласно звериным законам капитализма, оплачиваются только и исключительно «боевые» вылеты, а засчитывают ими только те из полётов, информация от которых была использована войсками на фронте. Хорошо хоть бензин и масло лётчики не вынуждены приобретать из своих средств!

Такая позиция болгарского начальства приводит к парадоксальной ситуации – на аэродроме есть и самолёты и лётчики, но летаем почти исключительно мы с Христо! Остальные пилоты долго торгуются с сухопутным начальством, договариваясь, чтобы каждый их полёт был оплачен по высшей ставке. Откаты, по слухам, доходят до половины выплат лётчика.

Не хотел верить в самую возможность столь вопиющего положения, но вчера столкнулся с ним лично: сел в расположении армейского корпуса болгар, на который готовилось турецкое контрнаступление, и имел занятую беседу с командующим «братушками» генералом.

Эта лоснящаяся жиром скотина с мерзкой улыбкой на вывернутых наружу ярко-алых губах приветствовала меня с ви-

дом снисходящего к просителю большого начальника. Генерал аж замахал на меня своими коротенькими ручонками при малейшей попытке рассказать ему о положении турок! Без малейшего стеснения на ломанном русском этот откормленный индюк запросил сто долларов наличными, после чего он согласится меня выслушать, но никак не ранее! Генерала совершенно не смущало присутствие тут же офицеров, смотревших на меня с невыразимым превосходством аристократов, вынужденных общаться с попрошайкой!

Я, естественно, сел в самолёт и покинул расположение этой части болгарской армии. Вечером, после ужина, ко мне подошёл заместитель начальника штаба нашего авиаотряда Продан Трандычиев, вернее «господин барон Трандычиев» с мерзкой улыбочкой заявил, что наслышан о моей несговорчивости. Мол, зря я отказался от щедрого предложения генерала, и он, Продан, не удовлетворится сотней.

Для того, чтобы вылет был засчитан как боевой, мне устанавливается такса в сто десять долларов из двухсот причитающихся лётчику. Но в наказание за попытку продать информацию напрямую в войска этот вылет не будет засчитан в любом случае. И информация о положении противника «господина барона» не интересует ни в малейшей степени! Ну как можно воевать в таких условиях?!

Два дня назад пробовал применять по туркам ручные гранаты. Договорились с Христо, вновь занявшим место наблюдателя на «Заре», что он будет кидать гранаты с разных вы-

сот и наблюдать эффект. Увы, опыт не оправдал наших ожиданий. Гранаты часто рвались в воздухе, их относил ветром, а на малой высоте по нам открывали такой плотный огонь из винтовок, что дырки в обшивке «Зари» пришлось латать весь вечер, радуясь, что силовой набор и двигатель милостью Божьей остались целыми.

Сегодня на аэродром привезли вагон шимозы. По всем документам это французский мелинит, но маркировка на ящиках иероглифами говорит сама за себя. Болгарские сапёры даже близко не хотят подходить к этому грузу, да и наши, русские приближаются к нему с опаской. Шимоза старая, времён русско-японской войны. Говорят, что она производилась по упрощённой технологии, и имеет скверное свойство взрываться сама собой. Тем не менее, ждать, пока из России и Франции подвезут настоящие авиационные бомбы, я не собираюсь.

Мне удалось договориться с русским военным сапёром Степаном Акимовичем Черняевым, чтобы он сделал нам с Христо несколько «македонских» бомб. Собственно, «македонская» бомба очень проста. Берётся обычная гильза от снаряда, и заполняется взрывчаткой вместо порохового заряда. Снаряд ставится штатный, а ударник заменяется чувствительным капсюлем из гремучей ртути. Болгарские лётчики с такими бомбами летать отказываются, ведь есть вероятность, что они взорвутся от случайного сотрясения прямо в полёте, но мы с Христо рискнём!

Конец октября 1912 года выдался на юге России на удивление холодным и ветреным. Из то и дело наползающих с северо-запада туч на землю проливались мутные потоки дождя. Совсем это не походило на южный октябрь. Полковник Заварзин отлично помнил, как оно бывало: и в море купались, и на солнышке грелись, пили вино и пиво на открытых верандах кафе, обнимались с девушками на далёких пляжах.

А сейчас сыро, ветрено, холодно. На берег накатывает мутно-серая волна, а на термометре едва восемь по Реомюру. Но если одет в длинный непромокаемый плащ, морские сапоги, фуражку с широким козырьком, а во фляге ещё плещется довольно коньяка, то и ничего.

Сидишь с мощным цейсовским биноклем за стогом сена на оставленной хозяевами до весны даче и наблюдаешь, как осуществляется твой план. Главное, не упустить момент и вовремя выбросить на стол припрятанного в рукаве туза в виде надёжно укрытого под завалом сена на обычной расхлябанной телеге пулемёта.

Эсэры прибыли на соседнюю дачу уже с час назад. Добирались они сюда на извозчиках. Десять человек уже прошли в заброшенное здание, неся с собой большие свёртки, в которых могло быть что угодно, но скорее всего новая, на этот раз проверенная партия взрывчатки для турок.

Полковник ещё раз осмотрел окрестности, теперь уже без бинокля. Близился вечер. На горизонте, там, где недалёкое море плавно сливалось с небом, от самой воды громоздились тучи. Многослойные, серо-сизые, подёрнутые какой-то больничной желтизной с чернью, они делали пейзаж этого дня особо мрачным.

Наконец, вдали послышался стук копыт, и вскоре к соседнему участку подкатила целая кавалькада. Из шедшей впереди двуколки выпрыгнул чернявый молодой человек и заозирался вокруг. Не заметив ничего подозрительного, чернявый сделал жест рукой, и из повозок посыпались вооруженные люди. У многих турок были с собой не только пистолеты, но и винтовки, что говорило о серьёзности их намерений.

Два десятка южан с хмурыми лицами быстро окружили дачу, после чего к воротам направились трое очень хорошо одетых господ.

Полковник усмехнулся в усы. Птичка залетела в клетку, и ловушка, похоже, вот-вот захлопнется. Ход за его подопечным Рубэном. Его армяне, как точно знал Заварзин, заняли позицию вначале улицы. Ну а если у Рубэна чего не получится, то придётся вступать в дело жандармам, наблюдающим сейчас за событиями и делающими азартные ставки на то, кто же выйдет живым из предстоящей схватки.

Вчера на аэродром прибыл отряд Щетинина. Похоже, теперь действия авиации получат, наконец, нужный размах и профессионализм. Официально вновь прибывшие – такие же добровольцы, как и я, но есть существенная разница.

Во-первых, новая группа русских – единый отряд, в который входят и военные лётчики, прошедшие полный курс Гатчинской школы. Во-вторых, отряд имеет на вооружении семь новеньких, только с завода, двухместных аэропланов. Ну и в-третьих – они оснащены так, как болгарам видеть ещё не приходилось! Чего стоят одни самолётные ангары-палатки! А полевая авиаремонтная мастерская, оснащению которой позавидует иной завод!

Да что далеко ходить – мы все, включая болгарских лётчиков, живём в палатках, а «Щетининцы» в первый же вечер комфортно разместились в специально оборудованных ящиках, в которых прибыли самолёты. Каждый ящик имеет закрывающиеся окно и дверь, небольшую, но очень тёплую металлическую печурку, две откидные койки и раскладные тумбочки. Получается нечто вроде крохотного, но комфортного купе поезда дальнего следования.

Но бытовые удобства всё же тлен, на который пускают слюни наши болгары, да некоторые из европейских наёмников. А вот оснащение самолётов... С самого начала войны не

прекращаются попытки фотосъёмки с аэроплана. Документальные снимки произвели бы на сухопутное командование куда больший эффект, нежели словесное описание того, что видели пилот с наблюдателем. Опять же, записать всё, что видел, подчас невозможно, что-то выпадает из памяти, а фотопластинка покажет обстановку абсолютно беспристрастно.

К сожалению, из-за тряски, создаваемой мотором, все попытки фотографирования расположения войск неприятеля с аэроплана неизбежно оканчивались провалом. Обычная камера показала свою полную непригодность на аэроплане. Но «Щетининцы» привезли целых три специальных аппарата для аэрофотосъёмки конструкции С. А. Ульянина и великолепно оборудованную фотолабораторию. И вот, сегодня вечером, я впервые в жизни увидел прекрасную, чёткую фотографию земли, сделанную с аэроплана!

А ведь на очереди специальные авиационные бомбы, оснащённые стабилизаторами падения и чувствительными взрывателями. Об изготовлении партии таких бомб, которые вот-вот должны прибыть из России, мне говорил приехавший с Щетининым старинный знакомый – замечательный военный лётчик Фёдор Колчин. Нет сомнения, что уже скоро война в воздухе пойдёт совсем иначе, нежели сейчас!

Во дворе приземистого двухэтажного дачного дома на двенадцатой станции большого фонтана толпились люди. Они начали прибывать с самого утра. Приходили сюда по одному, по двое, и присоединялись к тем, кто прибыл раньше. Во дворе горели несколько костров, у которых можно было согреться в ожидании главного, намеченного на вечер, дела.

Все здесь были одеты в штатское, но после того, как час назад во двор заехала тяжело гружёная подвода, в руках мужчин появились винтовки. Новенькие, только что со склада, в консервационной смазке «берданки» разбирались, тщательно чистились ветошью, к ним примыкали штыки. Тут же, из открытых ящичков горстями набирали патроны, и вскоре звуки двора разнообразились лязгом затворов и визгом пилок, которыми самые опытные из собравшихся надпиливали стальные рубашки пуль, чтобы превратить их в разрывные.

Курили, перекусывали, переговаривались гортанными голосами. Настроение царило боевое, да оно и понятно – собралась тут по большей части молодёжь, многие впервые держали в руках боевое оружие.

Пахло во дворе густо, так что у вновь прибывшего перехватывало горло. В замкнутом квадрате стен неподвижно висела парфюмерная композиция из дыма сырых дров, табака,

ружейного масла, дёгтя и колёсной мази, которыми многие смазывали сапоги. Тут же, на кострах, жарили мясо, разогревали лепёшки и пили вино, а стены, вдоль которых к вечеру стояли глубокие лужи мочи, были превращены в отхожее место. Общую картину дополнял ни с чем не сравнимый аромат портянок, которые сушились на палочках у костров.

Рубэн приехал под вечер. Он предпочёл не светиться тут целый день, и его личный «де дион бутон» застрекотал мотором по улице уже почти на закате. Навстречу вожаку вышли трое старших над группами молодёжи, и командование уединилось в каретке авто, чтобы обсудить диспозицию. Рубэн разложил на коленях карту прилегающей местности, и стал указывать кому и какую позицию занять, и когда выдвигаться к цели.

Люди во дворе собрались пусть не слишком опытные, но зато горящие энтузиазмом отомстить ненавистным туркам. Вразнойой щёлкали затворы, кое-где в грязи блестели жестяные обоймы от «маузеров», доставшихся командирам и обронённые рядовыми патроны «берданок».

Уже на самом закате прибежал мальчишка, сообщивший, что враги собрались на даче в конце квартала, и двор начал быстро пустеть. Боевики расходились по окрестностям, занимая исходные позиции для штурма, исчезая в туманной пелене.

Во дворе остался одинокий автомобиль, в кабине которого сидел Рубэн Ашотович Симонян, вода по плану местно-

сти пальцем и бормоча нечто неразборчивое. Он напряжён-но ждал начала штурма и прикидывал одному ему известные варианты.

Воспользовался случаем, и вчера отдал «Зарю» в ремонт. Перелёт из Одессы и активные полёты уже здесь, в Мустафа-паше, дали о себе знать. Последнее время двигатель закоксовался, стал пить много масла и сильно дымить. Прибытие отряда Щетинина – счастливый случай, которым просто необходимо воспользоваться. Их авиаремонтная мастерская позволяет проводить даже и капитальный ремонт аэропланов, а для быстрой замены повреждённых в бою частей планера «щетининцы» привезли на запчасти целый разобранный самолёт!

Утром поступили сведения о попытках турок контратаковать болгарские части в районе Марицы, и Христо вылетел на разведку. Странно, что его нет уже довольно долго. Христо не ребёнок, и идёт война, но мне неспокойно. Понимаю, что изрядная часть моего волнения связана с тем, что самому мне сегодня в воздух не подняться, но всё же.

Христо возвратился уже в районе обеда, и первым делом побежал в мастерскую. Его «Блерио» получил повреждения от «дружеского» огня перепуганной болгарской пехоты, открывшей по аэроплану залповый огонь. Турки и впрямь перешли в наступление, и у Марицы возник прорыв фронта, к которому сейчас стягиваются войска янычар. Нужно срочно доразведать, сколько сил бросил противник на прорыв.

Позор! Ни один болгарский пилот не собирается подниматься в воздух! Как будто это не их война! «Щетининцы» тоже не могут совершить вылета – единственный собранный «Фарман» вчера получил повреждения, остальные самолёты отряда в процессе сборки, и на вылет снова отправляется Христо. На этот раз он решил прихватить с собой несколько недавно изготовленных шимозных бомб, чтобы поддержать обороняющихся.

После долгих уговоров командир болгарского отряда Радун Милков взял меня наблюдателем и мы направились вслед за Христо. Его аэроплан успел уйти далеко вперёд, но я отчётливо вижу эту изящную птичку. Интересно посмотреть со стороны, как пройдёт бомбометание.

Господи! Христо погиб! Его «Блерио» находился над самой линией соприкосновения болгарских и турецких частей. Шёл низко – видимо готовился бросать бомбы и боялся попасть по своим. Вдруг аэроплан окутали клубы дыма, и буквально через несколько мгновений раздался взрыв, разметавший всё вокруг. Сдетонировали шимозные бомбы, не дав лётчику ни единого шанса на спасение! Этот трус Милков моментально развернул свой «Альбатрос» к аэродрому и наотрез отказался даже приближаться к полю боя!

Твёрдо решил немедленно отомстить за смерть единственного храброго болгарского лётчика. Немедленно! Чтобы кара настигла настоящих виновных, а не абстрактные турецкие войска, но на чём же лететь? На аэродроме един-

ственный готовый к вылету самолёт – новенький, ни разу не летавший «Блерио XI bis» «господина барона» Трандычиева. Сам он уехал в город «по делам штаба», и я решил воспользоваться его аэропланом.

С помощью Фёдора Колчина грузу на «блерио» максимально возможные десять пудов шимозы. Неожиданно, компанию мне решает составить поручик Петричев, и я рад, что мужество не окончательно покинуло болгар! Сгружаем два пуда взрывчатки, и поручик занимает место наблюдателя.

Вылетаем. Путь отлично известен, и войска не успели разойтись – битва ещё идёт, и особенно ожесточённая схватка происходит на самом берегу Марицы, где и погиб Христо.

Не повторяю его ошибки, ведь по нам стреляют равно болгары и турки. Что ж, значит и возмездие будет равным. Резко снижаюсь над полем боя и сбрасываю бомбы на турецкие позиции. Облегчившийся аэроплан уходит ввысь, а нас догоняет грохот взрывов и ударная волна, не причиняющая, впрочем, аэроплану ни малейшего вреда. Идём к аэродрому за новым грузом бомб.

Мустафа заканчивал прикручивать руководителя партии Эсеров к креслу проволокой. Переговоры получились совсем не мирными, и его ребятам пришлось изрядно попотеть, пока они не обезвредили социалистов. Трое турок получили ножевые ранения, а пятеро гяуров поплатились за сопротивление жизнью.

Сперва всё шло неплохо, но когда Мустафа потребовал проверки привезённого социалистами товара, глазки у главного «Эсэра» забегали, и турок понял, что его опять собираются кинуть. Такого он не прощал! Полсотни отлично обученных боевиков быстро скрутили не ожидавших нападения революционеров, оказавших лишь незначительное сопротивление.

А ведь могло получиться и иначе – на даче, где проходили переговоры, люди Мустафы обнаружили большое количество оружия, и даже пулемёт, который сейчас с интересом осматривали. Уже смеркалось, и ночь обещала пройти в интересной беседе. Мустафа планировал оставить в живых только руководителя социалистов, может ещё парочку особо важных главарей, которых следовало хорошенько запугать.

И теперь он с азартом режиссёра готовил сцену пыток, зрителем на которых будет как раз господин Коковцев – признанный лидер Эсеров Одессы. Правда смотреть на гибель

товарищей ему придётся хоть и из удобного кресла, но прикрученным к нему проволокой. От мыслей о предстоящей экзекуции Мустафу отвлек истошный крик караульного, а через мгновение со всех сторон зазвучали винтовочные выстрелы, и глава турецкой династии понял, что его провели.

Похоже, мерзкие гяуры подготовились к «переговорам» не хуже него. Они, как видно, заранее подтянули сюда силы, а его кретины охранники проворонили сосредоточение противника для атаки. Ну ничего! Для начала этим умникам придётся заплатить жизнями своего руководства – новых партнёров он найдёт, а прощать такое не собирается! Мустафа достал «Смит-вессон» и выстрелил Коковцеву между глаз, после чего с криком бросился к пулемёту – он умел пользоваться «максимом», и не сомневался, что победа останется за его людьми. В крайнем случае, он прорвётся с боем в окружении верных охранников.

Когда Рубэн услышал первую очередь из пулемёта, он понял, что всё пошло не так. Его парни не готовились к слишком серьёзному сопротивлению, и теперь могли побежать. Да и сам он, чего греха таить, вовсе не воин, так что, пожалуй, пришло время ретироваться. Рубэн завёл мотор, аккуратно, не зажигая ацетиленовых фар, выехал на улицу, и с максимальной скоростью устремился к Одессе. Очередь «максима» настигла автомобиль, когда тот уже почти скрылся в конце улицы. Он даже не успел ничего осознать – тяжёлая пуля снятого с вооружения армии пулемёта калибра

10,7 мм вошла в основание черепа и буквально обезглавила армянскую диаспору Одессы.

Рубэн уже не видел, как дрогнула и рассыпалась цепь атакующих вдоль улицы армян, после того, как пулемётная очередь скосила троих, не видел, как, вопреки его опасениям, остальные не побежали, а бросились в самоубийственную атаку на дачу. Не видел Рубэн и последнего штурма этого оплота революционеров, когда два десятка его боевиков с маузерами и берданками наперевес ворвались в дом. Завершил этот вечер страшный взрыв, прозвучавший в ночи.

На даче было складировано более полусотни пудов динамита. Теперь уже никто не скажет, случайная ли пуля привела к взрыву, или отчаявшийся турок решил прихватить на тот свет побольше гяуров, но факт остаётся фактом – не выжил никто. Стёкла выбило в половине домов Большого Фонтана, а ринувшимся в бой людям полковника Заварзина осталось собирать трупы и готовить для городских властей правдоподобную версию произошедшего.

Гибель Христо и моя атака на турок многое изменили в жизни на аэродроме. Армейское командование наконец уверовало в силу авиации. Поверили в себя и машины многие лётчики. Болгары теперь летают гораздо чаще, да и без них есть кому работать. В Мустафа-паше собрался невиданный до сих пор авиаотряд из русских, французов, итальянцев, немцев и американцев. На днях обещают подвезти настоящие, специального изготовления бомбы, которые уже спешно изготавливаются и в самой Болгарии и во Франции с Россией.

Но моё положение здесь ухудшается с каждым часом. Герой среди настоящих лётчиков, я стал персоной нон-грата в среде болгарского руководства. И без того натянутые отношения с Проданом обострились до предела, когда он узнал, что я летал на бомбардировку на его самолёте. Да не просто летал, а ещё и сломал несколько нервюр из-за резкого маневрирования сильно перегруженной машины.

Не в восторге от моих «подвигов» и армейское командование. При бомбардировке несколько самодельных бомб, не имевших даже простейших стабилизаторов, отнесло на позиции болгарской армии, были погибшие и раненные. Продан, брызжа слюной, угрожал мне трибуналом, но был грубо послан и под давлением вставших на мою сторону остальных

лётчиков вынужден был отступить. Однако от такого человека всегда нужно ждать удара в спину.

После ссоры с Проданом прошло несколько дней. Сегодня утром ко мне подошёл Федя Колчин. Он, оказывается, только что вернулся из города, где приобрёл свежие газеты, одну из которых, с моей фотографией у самолёта на первой странице, презентовал мне. Я не тщеславен, и статья не слишком заинтересовала меня, но то, что было в газете на следующей странице... Статья называлась «Бойня в Одессе» и рассказывала о волне кровавых столкновений между представителями армянской и турецкой диаспоры в городе, приведшей к многочисленным жертвам с обеих сторон.

Трагичным обстоятельством, не позволившим быстро пресечь беспорядки, оказалось то, что оба лидера диаспор погибли в самом первом столкновении, произошедшем на двенадцатой линии Большого Фонтана. Число жертв перевалило за сотню, и полиция до сих пор не до конца взяла ситуацию под свой контроль.

Я не стал бы слишком переживать по поводу произошедшего, хотя имею множество знакомых как в той, так и в другой диаспоре, и мне жаль всех. Но вот описание самого первого столкновения... Была в статье одна единственная строчка, перевернувшая душу вверх дном, и сделавшая моё пребывание здесь окончательно лишённым смысла:

Во время боя между армянской и турецкой диаспорами полностью погибло прибывшее на проходившее неподалё-

ку нелегальное собрание, руководство партии Социалистов Революционеров в Одессе. Именно взрыв динамита, припасённого бомбистами, и сдетонировавшего от случайной пули, привёл к столь ужасным последствиям рядовой разборки между диаспорами. Трагическая случайность, имевшая столь губительные последствия, лишней раз подчёркивает необходимость очищения общества от заразы социализма.

Вот так – не больше и не меньше. Что же теперь держит меня на этой проклятой войне? Не испытываю ни малейшего желания продолжать сражаться за страну, обуреваемую манией величия, во имя которой приносятся гекатомбы жертв собственного народа, а генералы соглашаются принять с огромным трудом добытые разведанные только за большую взятку.

Совесьть моя полностью чиста. Чиста со всех сторон. Даже обещание, данное подполковнику Кудрявцеву исполнено – я действительно помог «братскому народу», в трудный час, но час этот прошёл. Сейчас на нашем аэродроме избыток и пилотов и самолётов, собираются формировать второе авиационное отделение, ну а мне пора домой.

Вот смех. Самовлюблённый тупица Продан дал мне безукоризненный повод немедленно покинуть Мустафа-пашу. Вечером, когда я, по обыкновению, направился в офицерское собрание, чтобы объявить о решении отправиться на родину, меня не пустили в палатку. Вышедший мне навстречу «господин барон» с напыщенным видом заявил, что

я не являюсь ни офицером ни дворянином, и потому не имею право присутствовать в благородном обществе истинных аристократов, куда был допущен лишь по недоразумению.

С удовольствием плюнул в его жирную харю, и свалил скотину ударом в голову. Аплодисменты русских лётчиков «Щетининцев» были мне наградой, а отказ Продана от дуэли, предложенной ему немедленно, окончательно обесчестил его в глазах окружающих, несмотря на смешные заявления, что дворянин не может ронять своего достоинства в дуэли с грязным смердом.

К вечеру всё готово. На прощание я получил от Щетинина царский подарок – новенький мотор «Гном лямбда-7» взамен окончательно изношенного сердца «Зари» и транспортный контейнер. Он, конечно, попроще тех, в которых живут лётчики, но для аэроплана в самый раз. Утром я перелечу к столице, куда уже приедет отправленный после обеда контейнер, разберу аэроплан, и скоро с комфортом доберусь до родной Одессы. Признаться, мне порядком надоела эта война, и я очень рад, что моя страна живёт мирной жизнью. Но вам, господа жандармы, я обещаю отомстить. Вы ещё пожалеете, что Тимофея Ефимова не оказалось в числе жертв того взрыва.